

НОВЕЛЛА МАТВЕЕВА

РЕКА

НОВЕЛЛА МАТВЕЕВА

РЕКА

СТИХИ

Москва
Советский писатель
1978

В новой книге Новеллы Матвеевой — стихи, написанные ею в последние годы. Как всегда, в произведениях поэтессы живая реальность причудливо сплетается с фантазией.

Большинство стихотворений, вошедших в книгу, было опубликовано в периодической печати.

Деревья не здесь! — лишь подножья шершавые — с нами,
Как письма о том, что к рассвету вернутся они.

И наземь сойдут по ковру укороченной тени,
Улику — воздушную лестницу — спрячут. А жаль;
Их утро подменит. Они возвратятся не теми,
Какими их видела ночь и небесная даль...

* * *

Рассветные звезды гаснут.
Бескрыло перелетая,
Не двигаясь, пересела
Просветов лиственных стая.
 Бледнеет небо
 Текучим
 Истаивающим движеньем
 С томительным, напряженным
 И каменным выраженьем.
Упорна, высокомерна,
Словно статуй белые очи,
Но слаба и нежна основа
Ветерком изорванной ночи.
 Дуновений темные пятна,
 Островки проталин воздушных
 Точно ямочки заиграли
 На ее щеках равнодушных...
Как плащи итальянских нищих,
Облака цветные простерлись;
Износилась хламида мрака,
Нити сумерек перетерлись,

Старый вяз к румянцу востока
Повернул вниманье немое:
Блещет небо за облаками,
Как за сохнувшими сетями —
Море...

Лишь в углу,— где ворсом перчаток
Лезет мох из глянцевых яблонь,
Там, где Севера отпечаток
Резче явлен и глубже вдавлен,—
Все витает там ветер мнимый,
Ночи выученик любимый:
Завиваясь унылою пляской,
В легких папоротниках бродит...
И по лбу моему проводит
Серых перьев невидимой связкой...

ПРОГУЛКА

Горшки плетней нахальны и толсты
И горячи — как только что с плиты.
Вдоль гряд — разнообразные румянцы..
А под плетнями с их светоигрой
Подсолнухов, сраженных детворой,
Корявые горят протуберанцы.

Протуберанец я подобрала:
Вот падший демон для театра кукол!
Плащ золотой его полуокутал,

А в сердцевине — тряпочная мгла.
На льва похож: такой же яркий, внятный...
Но маску льва натянул пудель ватный,
Неразлично пахнувший в душе
Льноволокном, сырьем прядильно-ткацким,
Каким-то полотном предельно штатским,
Речной водою и папье-маше.

...Плетусь по зною. Неводы плетней
В морях жары становятся бледней,,,
И вдруг, пером заглавным помавая,
И гордый (как казенный изумруд
Иль радуга сугубо деловая),
Готовя крик и зная: все замрут,—

На возвышенье жгучее петух
Ракетою взлетает безотказной;
Вздувается, слагается из дуг,
Вздывается, сливаясь в полукруг
(И хвост — мостом, и клич — дугообразный)...
И, бросив обруч,— прыгающий крик,—
Роняет набок шапочку-язык.

...Точильщиком за сад зашла весна,
На круглом камне круглый блеск точила.
И столько искр просыпала она,
Что прямо с диска лето получила.

Бобы на нитях стали созревать,
Сердца полусырые согреть.

Я опущу на красный выступ дома
Подсолнуха увядший пенопласт,
Как вызов человечеству от гнома...
А между тем навстречу мне, мордаст,
Воспитанник иных садов подсобных,
Уже другой вздыхается подсолнух...
Ища иной к его фигуре ключ,
Остановилась. Из разрыва туч
Он, как сердитый мэр в окно фиакра,
Выглядывал. И в то же время он
Дышал грозой, как древний стадион,
Как желтый котлован амфитеатра.
Ста львиных цирков образ наливной,
Утыканный сиденьями для черни,
Подсолнух цвел...

А дальше, за стеной,
Уже скользил деревьев шум вечерний
И падал, падал зной...

* * *

После падения зноя
Местность как будто другая...
Сумерки множат чудно́е,
Будничным пренебрегая;
 Это спускается лучший мой
 Час — между сумерками и тьмой,
 Бегству лучей помогая.

Мирно и весело — к темным
Замершим травам слетает,
К тропам — родным и бездомным —
С тихим смешком припадает,
 К белой земле между темных трав,—
 Той, что свеченье у дня украв,
 Тьму белизной питает.

Пыли халат жемчужный,
Сумерек обаянье...
Трав хоровод многокружный
Слушает, полный вниманья,
 Вроде как...— звон остыванья золы,—
 Песню морщинок на рожнице мглы,

Музыку неузнаванья
Мест, утерявших названья...

Ночью — земля печальной
Станет, в росе остынет.
Вечера отблеск дальний
Надолго нас покинет.

Сердце земное — луна подберет,
В небо возьмет. Но, — достигнув высот
Высших, — на камни скинет...

ДУШИСТЫЙ ГОРОШЕК

Душистый Горошек.

Окрошкой двory

за Горошком Душистым горят:

Белья на веревках цветенье сырое— жасмин, колокольчик,
салат...

От солнца и ветра, от дымки лучей

по корявости утренних стен.

Оливковый вдруг пробегаёт пушок,— ну как будто писал их
Шарден!

Душистый Горошек... Невидимых кошек прозрачные ушки в огне:

У «кошкиных ушек» (как мыши у кошек!) Мышиный Горошек в цене.

Да вот и Мышиный: зацепит вершиной за грабли и рвется, треща,

Как волос, под зубьями гребня искрящийся, как рвущийся ворот плаща...

Душистый Горошек! Дешевая роскошь! Весны королевич

босой!

Цветущая иллюминация плошек, сияющих только росой;

Таинственный, вещий, нахмуренный бархат

Тех курток и воротников,

Который так гордо (но впроголодь) носят

Художники многих веков...

Душистый Горошек в улиткиных рожках... Еще не упрочился зной,—

Так что же стрекочет Мышиный Горошек, как волосы перед грозой?

И мнится: в беретах,
в потертых вельветах,
с единой морщиною лба,
Шумя, надвигается к нам с горизонта художников вольных толпа...
Дыханьем себя обнаружила плесень,
Пахнуло испуганно мхом...
Душистый Горошек,— веселый Гаврошик! — сидит на заборе
верхом,
Кричит петухом, рассыпая остроты и черствую корку жуя,
Да так, что, собрав лепестки к переносью, дрожит георгин-
буржуа.
Душистый Горошек — из племени Крошек,— бедняк, постреленок,
гамен,
Хочет, из пальчиков делает рожки при свете оливковых стен,
Кричит петухом, и мяучит котом, и старинную корку грызет..

А толпы художников
бархатом курток
уже облекли горизонт.
Я жду их!
Ужели пройдут стороною
художники?
Жду их давно!
Слежу, как за рощею кисти ломают, как на небе рвут
полотно,
Как спорят про цвет лепестков унесенных... (Любое
художество — бой,
Читай: не бывает громов унисонных и молний, согласных с
тобой.)

И вновь прозорливое небо раскрылось, метнув испытующий свет
На пух, поваливший с ветвей тополиных, на бархатцев мокрый
вельвет...

О громе шагов,
О дороге,
О школе

Художников я говорю:
Продрогшие в поле,
Рожденные в споре —
Придут,— не обманут зарю!

ХОДЬБА

Переломившись, век становится неровным.
И — от неровности ль? — не вовсе безусловным,
А... как бы дрогнувшим на склоне роковом.

И вот уж — плачет он, закрывшись рукавом,
О плясках на лугу, ходьбе детей по бревнам
И свешиванье ног с мостков над тихим рвом...

О вечном, о живом: о том, что под металлом
Он сам похоронил, когда был глупым малым,—
Уж слишком молодым и дерзким на слова...

О лесе он ревет: зеленом, синем, алом,—
Который он сразил, когда ломал дрова,—

И — просто о ходьбе; о том, как ставишь ногу —
С беспечной дерзостью! — на снег или на грунт...
В железный век машин ходьба и та — ей-богу! —
Потом, когда-нибудь, воспримется как бунт.

...Чуть-чуть, когда идешь, раскачиваешь руки,
Движенью радуясь... (О, горькая судьба

Людей, не помнящих такой простой науки,
Как пешая ходьба!..)

Теперь вообрази: в грядущей дальней дали
Проснулся человек. Он видел странный сон!
И, как мы говорим, что в детских снах — летали,
«Сейчас во сне — ходил!» — с волнением
скажет он.

К МУЗЕ КОМЕДИИ

Истинное остроумие куда ближе к добродушию, чем мы склонны предполагать.

Шеридан, «Школа злословия»

Кто смешным боится быть, кто в смешные положенья
Не стремится угодить, тот боится униженья.
Кто боится униженья,
Кто вкусил от поношенья,
Кто забит и напряжен,
Тот не может быть смешон.

Тот же (храбрый!), кто беднягу не страшится оскорбить,
Кто не даст ему и шагу без стеснения ступить,
Кто не в меру задается,
Кто над слабостью смеется,
Кто сердечности лишен,—
Тот действительно смешон.

Не смешна мне ущемленность (если злоба ей чужда).
Мне смешна самовлюбленность, не имущая стыда.
Не смешны ведь ни калеки, ни шуты, ни горбуны;
Душечки-сверхчеловеки — вот кто подлинно смешны!

На подмостках театральных
Лица клоунов печальных —
Известковой белизны —
Не смешны.

Торт, который в полмомента
Влеплен в «рыло» оппонента,—
Мудро, ново, ярко! — но
Не смешно.

Избиенье (хоть бы ворал),
Освистание актера,
Одураченный поэт,
Строчки выстраданной кража,
Книг ворованных продажа,—
Остроумно? Ловко? — Нет.

Жар напрасный, гнев больной —
Тоже фокус не смешной,
Не смешны: ни свист одышки,
Ни походка старых дев
(Над которой животишки
Надрывают старичишки,
На сто лет помолодев),
Ни носов чужих фасоны,
Ни проделки злых пажей,
Ни обманутые жены,
Ни рога во лбах мужей...

Нет! — пока не проступили
В них такие же лгуны,—
Не смешны мне простофили:
Мне обманщики смешны!

О Комедия святая!
Столь не часто к нам слетая,
Жалость, милость нам яви!
Путь закрой насмешке злобной,
Гогот изгони утробный,
Суть вещей восстанови!

С простодушием лукавым
Вещий толк верни забавам,
Слезы вызови из глаз,—
О смешливая!
 И снова
Острым чувством Несмешного
Наделяющая нас!

• • •

Днем прохладным душного лета
Протянулись полосы света,—
Расслоилось небо на сферы:
 В нижней сфере, бурны и серы,
 Тучи с дышащими боками,
 Что, как сено, виснут клоками.
Сфера средняя — облачками
Вся уставлена небольшими,
Льдисто-белыми, нам чужими
(Не готовыми к теплой встрече,
К простоватому с нами свиданью,—
К распыленью и оседанью),—
Вглубь задвинутыми, далече...
 Сфера верхняя — как бы снова
 Ближе к пару дыханья земного:
 Не общительней сферы нижней,
 Но обширней, многоподвижней,
 Чем застывшая сфера вторая
 (Облачка где лежат как свитки,
 Как серебряные улитки —
 Отрешенные овцы рая,

В чьи наушники завитые
Пробирается Византия).
Их руно умылось далекой
Световой полосатой протокой,
Жидким снегом, стеклом слепилось...
И к безветренной сфере этой,
Притязаньем ничьим не задетой,
Много рвеня в листве скопилось...

И с земли к барашкам надсферным,
К их мерлушкам высокомерным,
Оскользнувшись на стебле неверном,
Синий, синий летит лупинус...

ДОЛИНА РУЧЬЯ

Волна берега отражает.
Осока струям подражает,—
И тянется вниз по теченью,
Доверясь ручья попеченью.

Все травы,— наземные даже,— над влагой становятся глаже.

И тянутся, рвутся туда же,— к осоки размотанной пряже.

Но даже и там, где зигзаги
Ручья ускользают, лукавы,
Попав под влияние влаги,
Склонились дальнейшие травы.

Совсем сухопутные травы, а стелются как водоплавы!
А ищут волны, переправы... Не русла — хотя бы канавы!..
И собственной ищут пропажи: утечки и самопокражи
В ручья Пенелопиной пряже, которая вечно на страже
И даже в распущенном виде
Вращается в той же орбите...

К течению приноровленья — всех трав, сколько око достанет:
Как будто в одном направленьи их Флора за вóлосы тянет!
То штучки ручья! Своенравно
Одни увлекая так явно,
Другие (и это уж точно!)
Он за косы тянет заочно!

И вот... как железó магниту не может отвётить отказом,—
К ручью повернулись открыто орешники с дубом и вязом.
И даль, не успев заслониться сияния тканью льняною,
Ручья уж не видит, но мнится,— подхвачена той же волною...

Вся местность волнистая эта,
Вся (в тальнике гибком) округа
(Включая и полосы света,—
Дрожащие волосы света!)
Расчесана в сторону юга.

И глаз мой — в блистающем свете —
Попался не в те же ли сети?
Он строит мне мельницы, шлюзы...
Еще... ему кажутся эти
С водой шелковистые узы
Зеленую кошкою Лета, которая с климатом ладит,—
Которую кошку (за это!) никто против шерсти не гладит.

ИВЫ

Прутьев пурпурные бра
Серая держит кора.
В дрящихся листьях — игра платины и серебра.
Сильное здесь, как нигде,
Ив притяженье к воде!
Платиновую прядь
Тянет магнитная гладь...
 Что ни долины извив —
 Уничужение ив!
 — Кланяйся! — шепчет волна
 Иве, достигшей до дна,
 Липнущей, в тине ползя...
 — Ниже! — а ниже нельзя.

Дна угадав произвол,
Чуть выпрямляется ствол;
Бережный трепеток... Нет, не потопленный клад:
Свой же из слизи листок дерево тянет назад.
 Но авантюрную дрожь
 Хлябь разгадает... И что ж?
 Струйка магнитная — хватъ
 Платиновую прядь!
 Кануло — не вернешь!

В дымке — я вижу окрест ивы ручьевых долин,—
Их оползающий жест кающихся Магдалин,
Падающих, скользя...

— Ниже! — однако нельзя

Ниже скольжения ив, уничтожения их,
Их близорукости, их чтения струйчатых книг;
Исчезновенья их лиц между кудрей и страниц;
Их простиранья ниц в позах плохих учениц...

Что ни долины извив —

Школьные трепеты ив.

(Старых, как Мафусаил,— ствол коренаст, узловат...)

Кто ж из них пересолил суп? — Весь приют виноват!

Оторопь учеников —

Пасынков лет и веков;

Страх перед книгою дна,

Что и доньине темна.

И над страницей — сон

Школьный; и целый заслон

Падает волосяной

Ливнем — над книгой-волной...

Что ни долины извив — уничтожение ив:

Стыд бесхребетных стволов, трепет серебряных грив

(Стан без костей, как язык,

Что не смолкал ни на миг)...

...Прутьев пурпурные бра

Серая держит кора...

Сильное здесь, как нигде,

Ив тяготенье к воде...

Тянет магнитная гладь платиновую прядь...

Полноте!

Просто ручью хочется нас разыграть.

Шутит ручей-старина,— помысел прячет благой

(Только улыбки со дна всходят — одна за другой)!

Скобками ряби изрыт, мчащими снова на дно...
Слезы же ивы навзрыд — просто канальство одно!
Весел апрельский денек, бодр подорожник простой,
Весел трухлявый пенек, горд первоцвет золотой...
Весело ивам к волне мокрым лицом припадать,
Весело, весело мне —
Горюшко их наблюдать!

ДВЕ БЕРЕЗЫ

Березы вечно две. Одна бледна. Другая
Бела. Одна крива. Ее сестра пряма.
Одна с отвесных круч ползет, изнемогая,
Другая вдаль глядит с пологого холма.

Одна как манускрипт. И как письмо индейца:
Рисунок на коре наивен или мудр.
А та — сплошной пробел. И нечего надеяться
Понять глухой рулон изображеньем внутри!

Березы вечно две. Для равновесья, что ли,
Одна — в лесу густом, другая — в чистом поле?
Та дышит тайною, а эта простотой...
Вся в «яблоках» одна, как конь, живущий в холе,
Другая — вся в рубцах, как мученик святой.

Монахиней одна покой обходит вечный,
С нездешним холодком на ризах дождевых.
А та, придумав сеть, — хитрец простосердечный!—
Перенимает птиц у веток вишни встречной.
Одна для умерших, другая для живых.

Иная в цвете дней по увяданью вянет:
Архангельской трубой буди ее — не глянет!
Так низко клонится!

Всей силой всех ветвей
Так рвется в обморок! (Откуда, в самом деле,
Столь нездоровый дух в таком здоровом теле?!)
Что я ей сделала?!
И что мне делать с ней,
Чтоб удержать ее от вечного паденья?!
Но... доставляет ей, должно быть, наслажденье
Мне сердце растравлять, смеясь исподтишка...
Как если бы утес бесчувственно-суровый,
Всегда склоненный ниц, но, в сущности, здоровый,
Играл надорванным сочувствием... жука!
Березы вечно две. Какая ж выйдет правой?..
Бывает, что и грусть сыграет фарс лукавый,
А радость под конец тоской закрепостит...
Вон, вон! — свинцовая, с чугуновых туч оправой,
Бесцветным полымем у омота блестит...
Как перстень Борджиа с прозрачной той отравой,
Что самый быстрый нрав, лаская, укротит,—
Она живущим жить, а мертвым спать мешает,
Душою твердого — некстати утешает,
Надменной вялости как спящей мощи льстит.
...Есть ива над водой для покаянной позы:
Не лейте ж горьких слез хотя бы вы, березы!
Светлокудрявые, со сливочным стволом,—
Вы ж сушей рождены!..

Вот так, от самых дальних
До тех, чьи тени здесь; от плотных до хрустальных;
От пестрых до простых; от млечно-изначальных
До измочаленных, с надломанным крылом,—
Березы вечно — две!

М о и, по крайней мере,
Блуждают по двое... Погода, что ни час,

Перерождает лес. Но из несметных серий
Две неизменные мой различает глаз.

Не те же самые! Зачем? Всегда иного
Полку и племени. Но спорящие снова,
Не поделившие чего-нибудь опять...
Я озарения в них вижу и просчеты,
Веселость и надрыв. Падения и взлеты.
Жуть византийскую и — ясности печать...

Березы вечно — две.

(Быть может, есть и третья?

Но где она растет? И если не столетья

На поиски уйдут, то... сколько ей расти?

Не знаю... У меня — их только две поныне.)

С одной запропадешь! Но, из трясиной стыни,

Другая, может быть, придет меня спасти.

РЕКА

Когда одна я,
 Совсем одна,
И нет меня в мире одной;
И так высоко стоит луна,
Что земля темна и при ней;
 И холодный ветер пахнет травой,
 И веки смыкаются в полусне,—
 Тогда
 Является мне
 На стене
 Река
 И челн теневой.
А в том челне старина Гек Финн
Стоит вполуоборот;
И садится он,
 И ложится в челнок,
И плывет, закулив, плывет...
 В лучах пароходов и городов,
 На усах световых систем,
 Один — одишешенек — одинок,—
 Становится точкой его челнок,—
 Но не может исчезнуть — совсем...

И все
На попутных и встречных плотах
Остроты ему слышны,
И Гек прислушивается, привстав
(Они ему тоже смешны)...
Но один, один — до того один!
Да и я — до того одна!
И мысли грустные наши легки...
Ведь нет, Гек Финн, у твоей реки
Ни берегов, ни дна...

СЛЕДОПЫТ

При свете месяца, как замыслы,
Клубились дымчатые заросли.
И что-то хрупко шелестело...
И что-то тоненько хрустело...
И, как лицо туманобровое,
Курилось озерцо бобровое:
Казалось — если приглядеться,—
Лицо курящего индейца.

В воде распахивались форточки —
Бобры высовывали мордочки,
Так чутко двигая носами,
Как будто звездный свет сосали...
Вздымалась мордочка — и пряталась.
Тогда бобру в макушку брякалась
Вода стальная — в виде круга,
Похожая на крышку люка.

Светало — смутно и томительно...
И, улыбаясь одобрительно
Теченью беспокойных мыслей,
Шел добрый Нэтти в шапке лисьей.
И были кожаными нитками
Рисунки остренькие вытканы

На двух лосиных мокалинах,
Каких не купишь в магазинах.

При заморозке пахло листьями...
Воротника ворсинки мгlistые
До подбородка доставали
Серебряными острями.
И, как ножны́ из алюминия,
На них садились иглы инея;
Как повторенье линий меха,
Как призрак меха — дух и эхо.

В горах, на скалах, тьмой притупленных,
Ждал солнца стан лесов предутренных.
Ружье — при первом шатком свете —
Синело за спиною Нэтти;
Оно, — гласит лесная хроника, —
Могло не целясь бить без промаха.
(Но, с тайной целью, зачастую
Оно стреляло вхолостую.)

«Чудно! Стрелок не ищет крови-то!
Ни лишней капли им не пролито!
Не хочет век прожить со славой!
(Так ястреб думает кровавый.)
«...А мог бы сделать бой забавою!
(Так думает лисица ржавая.)
Жестокой мог бы жить игрою,
Как то положено герою!»

Чудно! Чудно! Не зная промаха,
Ни росомах, ни птиц, ни кролика
Не бить без надобности крайней!
Не правда ли? — все это тайной
Окружено неразрешимою?
Но знает холм с лесной вершиною,
И лог, и плесы мелких речек
Разгадку снайперских осечек.

Стрелок нарочно осекается.
И, осекаясь, он не кается:
За исключением Зла и Быта,
Вся жизнь охотнику открыта,—
Всех дебрей недра одичалые!
И не боятся звери малые
Того, кого по всем долинам
Прозвали Глазом Соколиным.

Он дважды знал лесные шелесты:
Один был песней, полной прелести,
Другой — таил ответ-примету:
Откуда ветер дул по свету...
Он дважды знал лесные запахи:
Ловил одни — читал как записи,
Другие видел как портреты...
Он знал все тайны, все приметы,
Неявность, явность, ускользания,
Прямую речь, иносказания,
Все вздохи, выкрики, невзгоды,
Улыбки, трепет, плач Природы...
Тумана внутреннюю сторону...
Найдя перо,— какому ворону
Вернуть перо... Где дно без ила...

Все, все ему доступно было!
Клин журавлиный, в небо вогнанный,
Кулик, фламинго бледно-огненный,
Блеск утра... Ночь,— когда в долины
Стекались тени-исполины;
Дождя и ветра смесь волнистая...
Весна... Подножья травянистые
Деревьев — темных и одутлых
От снега, тающего в дуплах...
Скалистых Гор черты надменные,
Племен обряды сокровенные,—

Где слуху музыка не рада,
Где зрелище боится взгляда;
Узор, каким по дну изложины
Растений помыслы изложены...
Все видел, слышал, чуял, ведал
И ни одной черты не предал.
 Неунывающей тропинкою,—
 Бегущей с детскою запинкою
 И с молчаливым заиканьем,—
 То перед вынырнувшим камнем,
 То перед корнем заковыристым,
 Из-под земли внезапно выросшим,—
 Шагал охотник белокожий,
 На всех охотников похожий.

И не похожий, и особенный:
К таким простым не приспособленный
Вещам, как скука, злоба, скверна...

Его грехи — и те, наверно,
Иной бы счел за достижения!
Его простейшее движение
Другим казалось бы шарадой...
Сопровождалось бы тирадой...

 (Потом, когда пошли бы жалобы
 На сложность Нэтти,— я сказала бы,
 Что эти сетованья ложны:
 Охотник прост. Мы сами сложны;
 Как много в жизни вдохновенного!
 Как мало в ней обыкновенного
 И неизысканного! Вроде
 Стремленья к чести и природе!)

...Уже зари краснеют полосы.
Что там трепещет в рыжей поросли?
В ледке и в зелени сверкает?

Сверканьем путь пересекает?
Откуда целый склад гортанности?
Кто здесь довел до непрерывности,
До пустомельства переливов
Речь делаваров молчаливых?

Ручей!

К нему стрелок спускается.

Струя с камнями пререкается,

Играет солнечным оплетьем...

К индейских сходок междометьям

Припутов трели клавишинные,

Весну несет в леса пустынные,

То расширяясь постепенно,

То вдруг мелея... На колено

Охотник рядом с ним становится,—

К священнодействию готовится

(С нехитрой горсточкой приемов,

Что от бобров узнал знакомых);

Смущая свистом чашу дикую,

Запруду строит невеликую

И, не без некой тайной цели,

Отводит воду к новой щели...

...Была ли щель, через которую

Могла пойти в другую сторону

Вода истории? Не знаю...

Но часто Нэтти вспоминаю.

Того, чьи странствия чудесные,

Слова прямые, мысли честные

Показывают непреложно,

Что людям быть людьми — возможно,

* * *

То цельная, то — на четыре потока,
Где шли островки с своей «вилкой» тройной,—
Река текла ширóко,
 Ширóко,
 Ширóко,—
Наполненным руслом — под полной луной.

Серебряные кольца ее покрывали.
И там, в береговой теневой полосе,—
 Тонули — всплывали,
 Тонули — всплывали...
Но не было таких, чтоб на миг застывали,
Но двигались, двигались, двигались — все...

Рыбак стоял в лодке. За ним, верней свиты,
Шли звезды — близкий к обращению в рыб,
Но куксились — ряби набегом отбиты...
Мрачны́ и сердиты,
Шумели ракиты,
Речной провожая изгиб.

Рыбак собрал невод. Рыбак ушел к дому.
И вылетел ветер с открытых полей,
И запах ромашек примчал, и солону,
И тонкий пчелиный елей...

Река же смахнула их сразу, как дрему,
И к дальнему перенесла окоему —
Несущею силой своей.

Стою у ракиты. Стою в лунном свете.
Река течет быстро — поди догони!
Где запахи эти? Где место на свете,
Куда бы — сухими! — вернулись они?

* * *

Над красным ущельем нависли деревья седые.
Листва над дорогою свод заплела, зелenea,
А там, где до полного свода листвы недостало,
Щеглов голоса перекинули сеть золотую
И свод дописали.

И я застываю у входа:
Я более свода люблю — впечатление свода...

ПЕРЕВЕРНУТЫЙ САД

Шуршаний по траве отрывистых пробежки.

Порхает у плетней цветная духота.

То флоксов сладкий вздох, то запах сыроежки,

То — розы исподлобья куста.

Ночь серая встает. Дорогой, наклоненной,

Как чаша из кремней, и льющей звуки в дол,

Качая памятью их отклик монотонный,

Спускаюсь в тот изгиб, откуда день ушел.

Здесь дождь разбился днем. Из каждого осколка

Восходит кверху дном огромный смутный сад;

Там бродят купола дыхательного шелка

И, черепицей жабр покрывшись, моросят.

Такой же сад, как здесь, но более священный!

Из каждой лужицы светящего клочка

Он поднимается, чернея, вдохновенный,

Как тень внимания к поверхности зрачка.

Он медленно летит... Перегородка влаги

Курчавых рвений роц не может удержать;

Все клонится к тому в неполном сером мраке,

Чтоб рощи мнимые к немным примешать...

Я образ их, к ногам кругами восходящий,

Как невод, полный грез, глазами достаю;

Я — одновременно во все концы летящей —
Притворно-спящую дубраву застаю.
Дубы ли, облака ль скользят, неуловимо
Преображенные? Напомнят пусть дубы
Мне гравированного пушечного дыма
По-детски грозные разрывы и клубы!
В них чудом уцелел последний вздох заката,
Когда, в бездонности кружащие и здесь,
Смешали волосы, как два кудрявых брата,
Дубы и облака в клубящуюся смесь.
Тут вяз осуществил ступенчатую сказку:
Вершиною — лететь, подножием — лежать,
На волю рвущихся шаров воздушных связку
Под серым бархатом стараясь удержать...
Рассказ его морщин, со мглой переплетенных,
Читаю сверху вниз, до туч,— пока у ног,
И стоя и кружа на старых веретенах,
Разматывает сад свой царственный моток.
...А рядом — по траве шурушаний перебежки,—
Порхает у плетней цветная духота;
То флоксов сладкий вздох, то запах сыроежки,
То — роза исподлобья куста...

ЗМЕЕЛОВ

Змеелов!

Твоя судьба не из отрадных.

Ты идешь путем деревьев и зверей

По тропе в перерывающихся пятнах

С палкой, флейтой да мешком для сухарей.

Вскормлен скорбию, бессонницей взлелеян,

Вспоен сыростью весенних тростников,—

Ты выдразниваешь змей из их расщелин,

Ты выкуриваешь змей из их пеньков...

Их фамилий извивающихся звенья

Ты не просто разрубаешь или рвешь;

Ты на флейте им играешь — из презренья,

Из гадливости — ты песни им поешь...

И ползут, и покоряются заклатью.

Между тем тебя давно должна бы знать

(По глазам и по разорванному платью)

Их сырая раззолоченная знать.

Глаз твой сух (как бы кружащий в чаше влаги,

Но не мокнущий, а тонущий сучок).

Неотступным (не мешающим отваге)

Ровным ужасом расширен твой зрачок.

Ты и сам — на этой ниве сна и яда,
Обезвреженных зубов, усталых жал —
Тишину остановившегося взгляда
У врагов твоих заклятых перенял.

Ты и сам — на этой зыбкой службе риска,
Как затворник — отрицанием творца,—
Ядом джунглей усыпляющим проникся,—
Хоть рубашку отжимай да жди конца!

Вот по зарослям — струенье огневое,—
Точно гребень вдоль Горгониных волос...
Не пленен ты и цветеньем (какое
Между змеями случайно прорвалось).

Слышишь? — ветер, тихий ветер свежей тени
С пламенистого куста перелетел...
Да не взять тебя истоме смертной лени,
Раз не желтая горячка — твой удел!

Жребий твой (как пояснили бы софисты)
«Все живое» останавливать вокруг;
Лес,— не ветками, а жестами ветвистый,
Лог, без надобности двинувшийся луг...

Срезать с озера непрошенные грани,
Все, что едет, придержать на тормозах;
Пашню, полную неясных порываний,
И расселину, плывущую в глазах...

Так разладить высших целей «сообразность»
(Завитками проглянувшую кругом),
Чтоб наперсточный малыш,
Забыв опасность,
Зашагал по дну долины
Босиком.

Змеелов!

Хотя и в смерти обязуюсь,
И в безумии тебя благословить,

Жребий твой — не умереть, не обезуметь,
А пленительные земли обновить!

И по рекам, рекам мутным и свободным,
Полным сил, запароженным, живым,
По дорогам, по дорогам этим водным
(А весной наполовину снеговым),

По волнистым плотогонческим бродвоям
К человеческому городу приплыть,
И за ненависть томительную — к змеям...
Человеконенавистником прослыть.

* * *

То не дорога, не шлях: п у т ь в предвечерней тиши.

Сборщицы чая в полях, желтые крыш камыши.

Взрослые двое со мной: за руки держат меня,—

Тихо уводят меня в жар заходящего дня.

Пыль... Замирание пчел... Дальний за облаком гром...

Может быть, это Китай? — мы ведь так долго идем...

Может быть, сам Индустан?.. Крыши, как платья, до пят...

Всяк на пороге своем, люди как тени стоят,

К розовой раме дверей

Всей припадают щекой...

Эти дома

Изнутри

Я представляю с тоской.

Долго не вносят ночник: любят сумерничать там.

Красный кувшин на столе, синяя мгла по углам.

Гость опускается в дом, словно небесный посол,

Ибо чуть ниже двора хижины глиняный пол.

Всюду циновки лежат. (Чул — тростниковый мотив...)

Ходят по ним — не дыша, пальцы к губам прирастив.

В окнах стоит тишина — нежно, как в вазе вода...

(Впрочем не умер никто и не умрет никогда.)

Вот мы, глядишь, и пришли!
Вот мы, глядишь, и вдали!
Солнца оплавленный край
Брызжет у края земли...

Красный мы видели двор,
Слышали крик индюка...
(Где-нибудь здесь и павлин! —
Просто не виден пока...)

Прямо по воздуху ночь сходит, не чувствуя ног:
Звякнет о берег земли месяца белый челнок...
Кто-то пойдет за огнем... В поле и в доме темно.
Древнеиндийский светляк с лампой влетает в окно...

Жаль: никогда не дошли
Трое до края земли!
Жаль! — но лишь грезилась мне
Сборщицы чая вдали.

КИНО

Когда выходишь из кино
 В мерцанье вечера сырое,
Лишь краем зренья замечая,
 Что землю снегом замело,
То существуешь за двоих:
 И за себя, и за героя.
Или совсем не существуешь:
 Ни за себя, ни за него.

Ознобом воздух напоён,
 Тоской по Куперу и Грину.
Приторможенными ручьями
 Бесшумного снегодождя...
Кинематограф, как сова,
 Тебе глядит упорно в спину,
Зеленолунными очами
 Над городами поводя.

...Как тень жаровни по стене,
 Текли виденья в темном зале:
Был полон счастья и печали
 Старинной песенки напев,

Пока не гас на полотне,
Перерождаясь в ропот устный,
Картины оборотень грустный,
От превращений побледнев...

Нет! Место низости не тут!
Иллюзион — страна титанов!
Момент — и хоры великанов
Подхватят звук передовой...

Но и случайный в пятке зуд
Здесь облик обретает плотный.
И огонек встает болотный
До колокольни головой.

...То не борцы-тяжеловесы,
То мыслей темные процессы!
Мне представляли в ходе пьесы
И страхи в латах Жанны д'Арк,
И низкой прозы интересы
В обличье сказочной принцессы...
Искусства дальние экспрессы,
Вы поворачивали в парк!

Угадывалось: близок час,
Как за Джульеттою Мазиной
Пойдут эскортом, цепью длинной
«Блаженных» новые сорта:
Придут бой-золушки, пай-жанны...
Гибрид из бокса и нирваны.
Вся та святая простота,
Что не проносит мимо рта.

...Но зал, как донор-пеликан,
Питал детей своих фантазией;
Стоял, как лекарь, с банкой мазей
Для новых Золушкиных ран...
Устроить Золушку на бал
Толпой пытались персонажи...
А мне от Золушкиной сажу
Хотелось выстирать экран.

(В чем счастье зрителя? Молчать
При хохоте единодушном
Или хихикать одиноко
В молчанье зала гробовом?)
...Как жаль, что Золушка теперь,
Когда на бал бежать ей нужно,
Уж не проходит через стены,
А прошибает стены лбом!

Так, значит, снова в добрый час?
Съедим горчайшей соли гору,
И выпьем Стикс,
И много сносим
Железом кованных сапог,
Пока простейшее пойдем:
Что подготовленной к отпору
Железной Золушке
Не впору
Хрустальный башмачок!

А как растроган был экран,
Что не святая Святая Жанна
(Хотя придумал это сам)!
Она сгорала на костре,

А в промежутках, как на грех
(Что не в пример для Жанны странно!),
Держалась Жанна хуже всех.
А в лучшем случае — как все.

Она Руанов не брала,
Не колыхала знаменами,
Ан воевала — за себя!
Не поджигай, палач, постой:
Здесь просто нечему гореть.
И если молвить между нами,
Она согласна и с ханжами,
И с инквизицией «святой».

Ей, разорительнице гнезд,
Галчиных жалких гнезд семейных,
Смешно доспехами греметь,
Мечом размахивать грешно...

...Об оклеветанных тенях,
О чувствах к ним благоговейных,
Ты по-старинному грустишь,
Когда выходишь из кино.

Искусство ищет новых троп.
Искусство смешивает жанры.
Но, даже смешивая жанры,
Мешать понятия ни к чему.

...И неуклонно в эту ночь
Стучит мне в сердце пепел Жанны,
Стучит мне в сердце пепел Жанны,
И трудно сердцу моему.

* * *

Как радужный дурман горячего болота —
Мечты создателя рифмованных миров.
Но первый светский жест певца — уже ворота
В действительную жизнь — из царства детских снов.

А значит — он идет на низменное что-то
В яснейшем разуме. А значит — он здоров,
Когда и в будний день играет идиота,
Безумца, гения... Носителя даров...

Да, он помазанник. Но больше — для проскользу.
Дурак-то он дурак, но — в собственную пользу!
В нирвану погружен, в экстаз небытия.

Но хочется сказать: «Нирвана-то нирваной,
А ходишь как-никак и сытый и не рваный
И многим не даешь, я слышала, житья!»

* * *

Ночь. Отовсюду раскрылись душистые темные веера...
Грустное небо над ними: серебряный нежащий океан.
В нем отразились огромные, дальние, древние воды земли:
Чаша небес перевернута в озере, чаша озер — в небесах,

Вскрикнула птица — протяжною жалобой свод огласила лесной:
Сон ли приснился ей, страшный по-птичьему? Или боится змеи?
Ты не разнежь меня, не усыпи меня, не подведи меня, ночь!
Или... иначе, тогда, подведи меня, чем подводила других.

Ведь у других это небо озерное дышит иным серебром.
(Только свое серебро я и золото в жертву богам приношу!)
Тени свои у меня. Для вторжения — замкнуто небо мое.
Зря так общительно, так понимающе вы улыбаетесь мне.

Даже у мыши свое мироздание! Даже у мошки — свое!
Так отчего бы и мне, напевателю песен,— свое не иметь?
Исстари кажется людям, что спетая песня — раскрытая дверь:
Что у того, кто заветное выскажет,— нет уже тайны от них!

Много на небе сокрыто, Горацио, многое прячет земля!
Только певец — у любого и каждого! — как на ладошке сидит...

СТРАСТЬ К ПОЛЕЗНОМУ

Сочинял темно и густо.
А глядел светло и голо.
И собачкой цирковой
Прыгнул в обруч ореола.
 Но Фортуна — та ловчее!
 Знала старая циркачка,
 Что продержится не долго
 В центре обруча собачка.
Что получится, как древле,
Пролетание сквозное.
И опять не утолится
Честолюбие больное.

 ...Но и я к устройству нимба
 Уж давно держу придирку:
 Почему не сделать шапку,
 С двух сторон заштопав дырку?
От дождей, от непогоды
Хорошо она спасала б!
Не осталось бы у скальдов
Основания для жалоб.

В теплоте и неспособный
Перебесится быстрее,
И способный не загинет
От немилости Борея.

Над возможностями нимба
Я недаром рассуждаю:
Ведь и я от злой простуды,
Раз на то пошло, страдаю!
Уж давно я собираюсь
Натянуть его на пальцы.
Жаль: все руки не доходят
Да игла мне колет пальцы...

ПРЕДВЕЧЕРНЕЕ

Бродяжки птицы к югу улетели,
А домоседки — в желтых кронах ерзали.
А ближе к речке — ветви поредели
И желуди упавшие подмерзли.

Все как-то жаль ступать по листопаду:
Решусь покуда — снег пойдет стеною,
Холсты,— пока искала с сердцем сладу,—
Простелет между листьями и мною.

Но... как бы вера в срывах ветра мгlistых:
Еще дубравам листья пригодятся!
(Уж разве только — не дубы от листьев,
А листья от дубов освободятся.)

Мне трудно знать, как туча в отдаленье
Истолковала этих дум упорство,
Но донеслось от тучи
Потепленье,—

Мечте безумной — странное потворство.
И скрипка ветра глуше зазвучала,—
Как будто в лад фантазии нелепой.
И колющего зимнего начала
Сломился стержень тоненько-свирепый.

А туча, отпылав, переделась
Из пурпура в суровый плащ дорожный,
Но не ушла, а молча загляделась
На образ дали противоположной.

СТИХОТЕРАПИЯ

I

Когда сердце,
С себя сбивая
Скорлупу, одну за другою,
В гадость памяти обрываясь,
Мчится воющими пропастями,

Ты представь себе
Свое горе
Нарисованным... на фарфоре.
Да и то не всё, а частями...

Но... круги и зигзаги ада
На фарфор наносить не надо:
Ведь фарфор и фаянс так ломки! —
Против жанра идти не стоит...

Да и кто ты такой, отучая
Человека от чашки чая?
Если жизнь ты ему отравишь,
Разве это тебя устроит?

Только маленькие промашки,
Улыбаясь, рисуй на чашке:
Слишком сильное заблужденье
Нипочем под глазурь не ляжет!

Выбирай картинки бывшего
Наименее все же злого...
(Сердце, рвущееся на части,
Вкус и меру тебе подскажет.)

Как люблю я фарфор с фаянсом!
С нанесенным на них Провансом,
С их Аркадией...
Как природа их белопенна!
Постараюсь, чтобы страданье
Соскользнуло с них постепенно
(С целой тучей забот, которым
Повседневность — не оправданье).

Есть резон моему пристрастью:
Даже бьется посуда — к счастью!
(Хороша и та, что не бьется:
Уж зато цела остается!)
Есть резон моему пристрастью
И гончарному упоению:
Если бьется посуда к счастью,
То не бьется — к успокоению.

И откроется очень скоро
При расписыванье фарфора,
Что грешно малевать кошмары
На прозрачном батисте глины;
Гадость памяти, сил крушенье,
Оскорбленье и поношенье...

В этом случае допустимы
Только розы и мандолины.

II

Как мой вкус изыскан, однако!
А изысканность — грех великий:
Слишком тонкое — снова грубо!
Я эстетов клянупу, каналий!
Но поскольку речь о посуде,—
Прикладном, а не главном чуде,—
Отчего не ценить фарфора?
Табакерок, резьбы, эмалей?

Над боярышником фаянса
Тени ночи летать боятся;
Никогда Косарица-стерва
Не взойдет на фарфор из Севра!
Я по свету хожу; я всюду
Разрисовываю посуду,
Чтобы хор ее нежноголосый
Пел анафему ведьме безносой!

И пускай Зоил образцовый,
Принимаясь за пашквиль новый,
Как всегда не подумав, скажет
(Ведь Зоил человек простецкий!),
Что в расписыванье фарфора —
Ни судьбы, ни с судьбою спора,
Ни отчаянья, ни задора
И ни удали молодецкой.

И пускай питомец Зоилов
Носит громы на лирных вилах,

Бурю (якобы) в поле ловит,
Рвет, рыча, на груди рубаху,—
Вот кто пляшет среди фарфора!
Ан заденет его — не скоро:
Порешить свою обстановку —
Не достанет ему размаху.

Вообще же... Возвращенному в холе
Скауну — как не рваться в поле?
Но скаун, испытавший сечу,
Зря не прыгнет ветрам навстречу.
Это бюргеру льстит ужасный
Ураган в байроническом роде.
Но бродяга
Плохой погоде
Не совет панегирик страстный.

III

Ах, фарфор на старом камине!
Уж не бюргерский ты отныне,
Так как бюргеры переменились:
Практикуются на ураганах...
Но поскольку у них такие
Поразительные стихии,
Что не только не бьют фарфора,
А, напротив, оберегают,—

То... позволено мне да будет
Расписать эти несколько блюдеч
Сценками
Из моей пасторальной
Жизни — долины взгляда...

И пока филистеры, с жиру,
Копят скорбь, опасную миру,—
Вы уж дайте мне улыбнуться! —
 В память
О последнем обрыве ада.

ПЯТНИСТЫЙ СВЕТ

Снег оседает, истаявает так явно;
Солнце на лето настаивает так славно!
По шестигранным зернам,
Пенистым стеклам

Шарит лучом упорным, упрямо-теплым.

И от волнистого, нежного его взгляда

Целой зимы подается, глядишь, громада;

Тающий след (где легко в снегах провалиться) —

Синью небес наливаемое корытце.

Но от заносов ярких, от их горенья

Распространяется зимнее изнуренье,—

И в безнадежность усталость перерастает;

Кажется, уж и тающее не тает,

Кажется, уж и быстрое недвижимо,

Острое — вяло, краткое — растяжимо...

Верив (зимой), что весна пришла под сурдинку,

Непобедимую мнишь последнюю льдинку.

Слабнешь — и снежный жар зеленеет резко...

Искрами голода кажутся искры блеска,—

Как над отчаянья радужной целиною —

Пестрые тигры света скользят за мною...

ПОДВИГ ПТИЦ

По грачам,
По угольному блеску
Зимних галок — я весну узнала;
Новая волна лесного света
Перья галок отполировала.

В старом прерывающемся хмеле
Замелькали — серы, чуть лиловые,—
Понеслись по воздуху, запели
Соловьи, дрозды и реполовы.

Сколько птицам разных притеснений!
Но, как свет, движенья их свободны.
Сколько бед, забот и треволнений!
Но, как сон, их песни беззаботны.

Оттого ли, что любой ценою
Избегают Севера пичуги?
Если видят Север, то весною.
Если зиму видят — то на Юге...

Есть неизъяснимая отрада
В том, как, путешественники света,

Видят птицы только то, что надо:

Лето да весну. Весну да лето.

Не страшась ни океанов грозных,
Ни пустынь сухих,— они всегда ведь
Из обрывков весен кратких, розных —
Вечную весну хотят составить!

Как ткачи из ветхих пестрых нитей,
Вы тепло, о птицы, ткете сами.
Зябко ж вам, пока соедините
Нить Гаити с нитью в Амстердаме!
Краем, краем, хлопья задевая,
Но минуя их любой ценою,
Ткете май, в одно кольцо свивая
Благость Юга с северной весною...

Всяк — зимует, Полземли пасует

Перед стужи идолом поганым.

Только птицы — всюду за весною,

Как толпа детей за балаганом...

Но к стеклу промерзлomu прижаться,
Но застыть в Морозов царстве мнимом
Им бы легче было,
Чем держаться
В круге лета неразъединимом.

СОРВАННЫЙ ХОРАЛ

В поросли зеленой ужас хлопьев гневных.
Буря в перспективах шелково-корявых,
Но и в вихре черном мне кивки деревьев
Кажутся беседой добрых и кудрявых.

Слов не слышно. Только

Жесты разговора

Заменяют речь, глушимую ветрами,

Только листьев трепет, взмахи их узора—

Ход чудесных мыслей пишут перед нами.

Грустно, что и в этом маетном размахе
К лютоści прохлады сводит поневоле;
Что звереет свежесть, и, как смерть на плахе,
Пресмыканье долу ивы в дальнем поле.

Что венец весны — цветенья запах сладкий,—

Он не сам сказался в радостном избытке,

А в бреду сорвался, в жалкой лихорадке,—

Выкручен и вырван, как язык при пытке!

Свет, слепым заметный,— где ты, дух цветенья?

Лал в подкладке ночи, мех на мраке алый?

Как в него поверить в час его паденья,

Если и в живых он был, как небывалый?

Стонут вихри в дуплах, дуплах безобразных...
Мне вот-вот примнится, что садам привычно
С якоря корней срываться еретично;
То плутать и шарить в областях заглазных,
То сникать и падать в медленных падучих,
Массой плющевидной ползая покорно;
Щелкнуло ли в кленах сердце трав ползучих?
Иль ползти вьюном для дуба не зазорно?
 Кто ж он? В недрах корень или в небе птичка?
 Ох, чем легче небо, тем земля тяжеле!
 Листьев устремленье и корней привычка
 Сердце рвут на части в его старом теле.
Ствол его вмешался в спор листвы с корнями,
(Так татарский пленник, узник в том же роде,
Пущенными врозь разорван был конями.)
Ствол его — в неволе, листья — на свободе.
 Стонет в дуплах ветер... Скучному не внове
 То, что рвется тополь с ясенем сразиться!
 Рад подслушать ветер, как, на полуслове
 Прерванная,— песня в брань преобразится!
Это Север, знаю!.. Так переиначить,
Так смутить и сдвинуть сладостное братство!
Песней был задуман и как песня начат
Этот рев и хохот, полный святотатства.
 Это Север, знаю! Великаны братья,—
 Север вас попутал и привел к разладу;
 Не смогли бы вербы высвистеть проклятье,
 Кабы Север маю дал допеть балладу!
Тщетно скрытой песней их сердца пылают!
О, когда б допели!
Ясные насквозь бы
Небеса, что силой они взять желают,
К ним сошли бы сами —
Без борьбы и просьбы.

НАПЕВ

Море в расселины скал понавставляло зеркала:
Овальных, шарообразных, вспыхивающих, алмазных...
И наводит, наводит свои зеркала
На дорогу, что к берегу долго вела,
И на крабов своих несуразных.

Я много несу

Разных

Новинок от моря назад;

Меня осыпает закат

Пыльцой своей бронзовитой...

А ночью, ночью в молчании сна

Вновь застрашает меня глубина,

Где вьется

Гад ядовитый...

О, сколько тайн ты, море, хранишь!

Сколько глубоких!

В рыбах золотобоких

Разве их все отразишь?

Молча сжимаю в горсти

Я вечной

Тайны мученье,

Но и разгадка

Облегченья

Не может мне принести!

Ла-ла-ла-ла... Ла-ла-ла-ла...

Прохладный

Бриз набегаёт,

Море, шумя, зажигает

В скалах свои зеркала...

Ла-ла-ла-ла... Ла-ла-ла-ла...

Рука зари вечерней

Рыбачки привет дочерний

От облака подожгла.

А! О! А!..

Письмами чайки горят в камине заката...

А!.. О!.. А!..

Парус мой, парус,— нищенская заплатка!

И море под ногами шатко,

И небо для нас загадка,—

Лишь волны — за складкой складка—

Несут умолчанья дна...

А ты, о море, столько хранишь

Тайн,

Тайн глубоких!

В рыбах сереброоких

Ты их не отразишь...

Молча держу в горсти

Я вечной

Тайны мученье,

Но и разгадка

Облегченья

Не может мне принести,

Ла-ла-ла-ла... Ла-ла-ла-ла...

Свежести облегченья

Ничто не может

Мне принести...

ОТРАЖЕНИЯ

В деревне соседней чинить собираются крышу...
То крик петушиный... То — оклик, шагами дробимый...
А я повседневных, я будничных звуков не слышу,
Пока не подымется ветер холодный —
Мой ветер любимый...

Но слышу, как ходят полозья, как шепчутся люди
На бледной стене золотистой — на копии льдистой
С холста Ван-Остаде, — где, в сонной осенней остуде,
Катается отблеск вечерний, как пух серебристый...

Вращается, чистый, как шар на серебряном блюде...

Люблю эти миги! Ловлю эти слабые блики!
В их беличьем беге, в их мелочной кроличьей дрожи
Они на обрывки линялого меха похожи,
С великой равнины гонимые ветром великим...

Как будто равнина летит через комнату — тоже!..

Люблю эти блики... Они, как неясные лики,
Ненастны и дики... Но самый их холод мне дорог.

Пугливы как бегство бродяги, как песня заики,
Как белые мыши с зонтами из красной гвоздики,
Бегущие в страхе улик... Но и сами — улики,
Что милость равнины таких не обходит каморки!

Равнина по стéнам свой свет горностаевый стелет,
Равнина в каморке. Не так ли из главного зала
В клетушку слуги достигает сияние в щели?
То — снежное в тучах посольство... То — ветра начало...

И вот уже входит Зима, подымая забрало.

И вот уже ветер, охотничий рог подымая,
Гвоздичным и заячьим бликом наносит обиду;
Их далее гонит по стенам, по «Зимнему виду»...

И, гóлоса будней в безветрии не принимая,
Я с первым порывом — совсем упускаю из виду
Обязанность Прозы...

Пусть даже к ночи не выйду
В размах листопада, листы из него изымая...

СНЕГОПАД

Листики последние

хотела как безделицу

Поднять на улице. Но тучи смыли свет...

На солнце метила — а встретила метелицу

И листопада запечатанный пакет.

Уже с наценкой два листка из снега вынулись —

Как жребий вынулись! А снег полил стеной

Мехов сияющих,— как будто вместе двинулись

Два разных промысла: небесный и пушной.

На землю старую страна спускалась новая.

Еще открыть ее колумбы не пришли...

Но хлопьев доньшки — ста рейдов синь готовая

(Там запах пристани! Там гавань васильковая!) —

Большими днищами сливаются вдали.

Но все труднее мне из белой тени выбраться;

Всего и вижу, что в кивающем пятне

Пыльца граненая на семь ладов колибрится;

Знать, видно солнце ей, не видимое мне.

Метель приемами овладевает грубыми:

Толчки, нокауты... Но в целом — так тиха,

Что только деснами пока жует беззубыми

Да пахнет влагою, как рыбы потроха.

Иду не двигаясь; кажусь травой, проглоченной
Морского чудища скучающим зевком...
Рукав мой липнувший, рукав, метелью смоченный,
Терплю, как молния, идущая пешком...

Листы последние дорогами свободными
Катились весело: их ветер гнал цветной...
Я упустила их. Чтоб только прошлогодними
И только черными увидеть их
Весной.

ОДА КЛЯКСЕ

I

Одно — мечтать и к звездам тяготеть,
Другое дело — вправду к ним лететь.
Но это тоже страшный труд, наверно:
Быть малышом, читающим Жюль Верна...
Уютный свет, укромный поздний час.
Читает он, однако, в п е р в ы й р а з.
И первый шаг уже направил к безднам...

Что будет с ним в грядущем неизвестном?

Но век бегучий спас его, поди?
Все та же ночь в окно к нему глядит,
А уж вокруг синтетика, пластмасса,
Бездушные к таинственности часа...
Все опасалась я, что мальчуган
Готовится сбежать на Мичиган,
Не то грозит ему за кляксы взбучка...

Бог мой! Да у него же авторучка!

Она не сыплет кляксами в тетрадь —
И не к чему к индейцам удирать.
(Не оттого ли вдруг не стало прерий
И скрылся сонм индейских кавалерий,
Вторично растеряв свои права?
Не оттого ли Серая Сова,
Не поглядев, проплыл в пироге мимо,
Что клякса в мире невозстановима?)

И скоро нам на старом чердаке
Искать клеенку с кляксой в уголке
И след чернил в растрепанной тетради...
(Но только не в музеях! Бога ради!
Уж лучше обращенный на закат
Чердак найти, где кляксу-экспонат
Мы обрести могли бы не толпою,
А всяк наедине с самим собою.)

...Перо умело слезы проливать,
Скрипеть и брызгать... Руку предавать
Хозяйскую в своем внезапном плаче...
Но Авторучка вас предаст иначе —
Сухим манером. Нагло и без слез.
Мол, сами плачьте,— вот и весь вопрос.
И если перья встарь писали плохо,
Она не пишет вовсе. Так эпоха
Продвинулась еще на шаг вперед...
Хочу сказать: все благо в свой черед,
Когда не перескакиваешь фазу.

И возвращаюсь к нашему рассказу.

II

Легко ли сердцем вымыслы питать?
С действительностью сны переплестать?

Но что легко — легко неимоверно! —
Быть пареньком, свергающим Жюль Верна
(За то, что он, как двоечник, «отстал!»).
И с ревом возводить на пьедестал
Не Гоголя, не Шиллера, не Листа,
А... штангу и, как следствие, штангиста.

Прекрасна сила. Только не сама,
А как служанка Сердца и Ума.
Приз мускулам, но двадцать призов — духу!
Лишь тот титан, кто не обидит муху!
Кулак не светоч. Тело всем претит,
Когда оно душой руководит.
Душа есть Рыцарь. Плоть — оруженосец.
А не наоборот. Разногласиц

И разночтений тут не примет слух.
Душа и спорт. Ужли́ — одно из двух?
Ужели спорт взбирается на сцену
Не в помощь духу, а ему на смену?
Ведь мускулы с нечестием вдвоем —
И в спорте недозволенный прием!
И страх берет: что́ станется в грядущем
С т а к и м?! — непобедимым, всемогущим...

Индейцами забытый, в их вигвам
Не рвущийся (чего-чего? — фиг вам!),
Он, впрочем, за романтику в ответе.
Однако же не все, что есть на свете,
Без размышлений, с ходу, в полчаса
Под Алые подсунешь Паруса!
Да не взойдут на палубу с вещами
Сверхчеловеки! Юные мещане...

...Но я спешу, а значит, отстаю:
Я видеть то окно перестаю,
Где над столом лучи стоят, как щетка...
Все та же Прометеева Находка! —
Не устарев, горит во тьме ночей.
Все грезит Юность — Вечный Книгочей...
И в душу — сказкой! — рвется факт упрямый,
Что новый мальчик — мальчик тот же самый!

III

Покуда мы догадки строим («Глянь:
Не «дышит» синтетическая ткань!»);
Пока «романтик» новый, через силу,
Пустую разрабатывает жилу
(Спеша к нейлону — личности печать,
А лунный свет — к пластмассе подключать,
Дабы явилась вдруг осеребренной
Не как пластмасса, а как дуб мореный);

Пока — дубы круша, кромсая лес —
Железный слон проследовал, «Прогресс»,
И там, где нефтяная котловина,
Открыл месторожденье маргарина;
Пока Умы стараются кругом,
Чтоб вышел Рак из масла с творогом,
Чтобверху брюхом рыбу гнали воды,
Чтоб дурь земли шатала неба своды,—

Все тот же он, жюль-верновский герой!
Он любит дуб с листвою и корой
И лунный свет. Он так отстал от моды,
Что постыдится плюнуть в лик Природы.

Из утвари, известной нам сейчас,
Он выбрал море, небо и компас.
В романтику влюбленный не для виду,
Похоже — он не даст ее в обиду.

...Марс красен, а Венера зелена.
Вот и заснул... Над ним бежит луна,
С нее вот-вот откинется подножка —
Из космоса протянется дорожка,
И скоро на дубовую панель
С подножки лунной спрыгнет Паганель
И растворится в нитях древесины,
Станцованных, как волны и дельфины...

Как скоро ночь романтики прошла!
Вот, негра мрака вымыв добела,
Измылился луны обмылок белый...
Бело, свежо... И грусти — космос целый...
Не моден, к чести спящего — не нов
Цветущий свод его рассветных снов;
Ему не первым, не ему последним
Быть Капитаном Пятнадцатилетним.

...А самописка?
Это я — шутя!
Хотя... и три столетия спустя
Я так же бы шутить могла ретиво!
И думаю: так искренна, правдива,
Свободна, независима, горда
Не будет авторучка никогда,
Как перышко в задумчивом пенале,
В портфеле том, что сорванцы пинали,
Гоня его меж сумерек и льда...

* * *

Ветровой,
Подарочно-упаковочный,
Теплый грохот пальмового листа...
В синеве колеблется трап веревочный —
Тихо песня просится на уста.
 Осьминоги, в медленных водах плавая,
 Исчезают, повертываясь на свет,—
 Будто есть у них, временами, правая
 Сторона природы, а левой — нет.
Как бесплотной грусти изнанка плотная
Или блеск на полости дождевой...
Будто есть у них, порой,
 Оборотная
Сторона,— а нет у них — лицевой...
 Цепь камней горит серебром зеленым,
 Трепет ветра плотный прильнет ко лбу...
 А у чайки вскрик — не с одним наклоном:
 То ли в небо зов, то ли зов ко дну;
Как пираты после ножа и палицы,
Будто вышив дно кровяным крестом,
Там морские звезды лежат без памяти,
Их сморило море слепящим сном.

На ответ повелительных уст похожий
(Для которых не может быть мнений двух),
Там тридакны слышен захлоп бульдожий —
Слабо цапающий, сыроватый звук...

Но как сеть, закинутую далече,
Я на суше свой укрепляю взор,—
Где дает, сверкнув, родники и течи
Берегов срывающийся узор...

И в душе смолкают слова и споры.
Наподобие как за спиною, вдали,
Опадая, разглаживаются горы —
Великански-блаженные вздохи земли.

И пускай какой-то отрог прерывист,
Тенью стянут, судорогой сведен;
Это — с грустью жадной
Ручьи прорылись
Доглядеть последний
Печальный сон...

КОСМОНАВТ

На бриге, рожденном из дыма и грома,
Не он ли к Луне улетал с космодрома?
Но взгляд, где остался огонь метеоров,
Смущается вспышек в руках репортеров.
— Скажите, нельзя ли, в блаженном порыве,
Похлопать комету, как лошадь по гриве? —
Но летчик молчит, предоставив поэту
Восторженную снисходительность эту.
Хотя — космонавтики раннюю ранью —
И вправду он был за неведомой гранью,
Ему, молчаливому, кажется странным
Так часто докладывать о несказанном.

СТАРИННЫЕ КОРАБЛИ

Памяти Александра Грина

Как прекрасны старые корабли!
Будто жарким днем в холодке квартир
Кружевницы гентские их плели,
А точили — резчик и ювелир.
Как прекрасны старые корабли!..

Грациозно выгнуто их крыло
И настолько тонкий на них чекан,
Будто их готовили под стекло.
А послали все-таки — в ураган.
(Лишь обломки их под «стекло» легли...)
Хороши старинные корабли!..

Были души: чистые как хрусталь,
Тоньше кружев, угольев горячей...
Их обидеть жаль, покоробить жаль...
А ушли они в перестук мечей,
Словно к мысу Горн
Корабли...

Да уж как не так! — перестук мечей
Сладкой музыкой был бы для их ушей!
Но ушла их жизнь... в толчею толчей,
На съеденье крыс, на расхват мышей,
На подметку тувель для мелкой тли...
Потому от них на лице земли
И следá следов не нашли.

...Опустелые, как безлистый сад,
Бригантины спят;
Им равны теперь ураган и бриз.
Паруса, как тени, скользнули вниз,
Такелаж провис...

Уж теперь и в прошлое не спешат:
Сколько могли — ушли...

...Но опять над вами сердца дрожат!
Но опять заботы на вас лежат...
И опять вам жребии подлежат —
О старинные корабли!..

НЕРАСТОРЖИМЫЙ КРУГ

Исполненная гнева и печали,
Поэзия не базис, а надстройка:
Она голодным хлеба не устроит.

Но если, от поэзии подале,
Назад, к пещерам мы припустим бойко,
То нас и хлебом потчевать не стоит.

ЛУННЫЙ СВЕТ

Переместилась тень, пересоставилась,
На лунный пламень облако легло.
И меркнет лунный свет —
Как будто вмиг состарилось
И потемнело серебро.

Подул предутренний... Бесцветно вкралось
новое...

Теням под лунный свет уже нельзя подпасть.
Но с тусклой прямою (как серебро столовое!)
Тем проще им теперь его украсть.

Вдали, под тучами, под звездами падучими,
Еще не выступил зари прохладный пыл.
Но повернулась ночь. И рощи в ней раскручены,
Как возмущенный ил...

Ночь полубелая, свет неба полуголый...
Береза дальняя — как сорванных снастей
Моток распущенный...
В лощине невеселой
Осины светятся, как рыбы без костей...

В садах рассвет.
Луна, на нет сведенная,
Слабеет — тонущим обмылком голубым;

Все ниже клонится ее лицо бессонное,
Вконец изводится..
И сень дубов бездонная
Великой водорослью бродит перед ним.

БЕРЕЗА

За бродом, за переправой
Береза цветет над речками:
Не только листва кудрявая,
Но даже кора — колечками
Золотыми...

А лист у нее смеющийся,
А смех у листа залиvistый,
А ствол — маслянисто льющийся,
А то — в поясах, прерывистый,
В переборах...

Еще и волной разорвано
(Подобно письму зазорному)
Ее отражение влажное;
И сыплет флажки бумажные,
То краткие, то протяжные,
Вдоль теченья...

И мнится: не наверстается,
Сойдет, быстроной невзлюбленный,—
Но в тихой воде срастается,
Подобно змее разрубленной,
Ствол дрожащий...

Я знаю, что есть у омута
Черемуховая комната,
Где, вычерченная начисто,
Боящаяся вторжения,
Так робко береза прячется,
Что в списке лесов не значитя!
Но выдало отражение,
О береза,
Тебя среди ив... (А где ж еще
Могло быть твое убежище?)
Кувшинкою ядовитою,
Как музыкою, обманута,
Рукой Водяного скрытою
За косу к воде притянута,—
Ты не здесь ли
В настойчивое течение,
Как будто в дурное чтение,
Запретное, погружаешься;
Бледнея, теряя зрение,
Никнешь, гаснешь...

И вдруг, заскользив

Сиреневыми

Склонами,— выпрямляешься,
И — в панцире исцеления,
К трясине полна презрения,
На дальнем холме являешься,
Как святая!

Как притча многовековая,
Как присказка, вечно новая,
Как вечно звучать готовая
Блуждающая пословица,—
Она и в лице изменится,
А все — никуда не денется:

Исчезнет — и восстановится
 По наброскам,
По черновикам заброшенным,
В карманах пространства сношенным,
Истертым рукой забвения
 И сомнений,—
Как светлая Ночь Иванова,
Она возродится заново;
Воспрянет, как слово гения,
В блеске новом...

ТРЮИЗМЫ

Все едино? Нет, не все едино.

Пламя, например, отнюдь не льдина.

Плут о благе ближних не радеть.

А насилие — не добродетель.

Все едино? Нет, не все едино:

Ум — не глупость. Край — не середина.

Столб фонарный веселей простого.

Пушкин одареннее Хвостова.

Все едино? Нет, не все едино:

Детский самокат не гильотина.

Есть Большой, есть Маленький, есть Средний

Человек, (И Средний — есть последний!)

Все едино? Нет, не все едино

(И «Майн кампф» — не шутка Насреддина);

Малый да Большой — едины станут,

Среднего — и тросом не притянут!

Все едино? Нет, не все едино:

Волк не голубь. Жаба не сардина.

О единстве бухенвальдской печи

С Красотой — не может быть и речи.

Все едино? Нет, не все едино!

Нет, не все сжевать должна скотина;

Разобраться прежде должен гений
В некоторой разнице явлений.
Все едино? Нет, не все едино;
В рощах нет повторного листочка!
Потому что, если «все едино»,
Значит — «все дозволено». И точка.

НЕМЕЦКИЕ СКАЗКИ

Как пресное тесто о пряностях терпких Востока,
По солнцу Востока германцы томились жестоко;
Чуть ветер — поверхность лазурную сказки германской
Пробег арабески капризную сморщит гримаской.

И Рейн омрачится в своих берегах золоченых...
Как будто нахмуренный, темно-цветной арапчонок
За дверью стеклянной предстал, проступая... К тому же
Свой нос любопытный к стеклу прижимая снаружи.

И дрогнет хрустальная дверь заповедного Рейна,
Хитрющую тень пропуская благоговейно,
А черный шельмец улыбнется, как сказка живая
(Унылую, грозную сущность Востока скрываая).

От века вот так — золотистое к черному льнуло.
(И диво ль, что черную палку оно перегнуло?)
Аравий смолистые страсти и ужасы Ганга
Нужны нибелунгам с белесого, пресного фланга.

Им нужен Восток не для грез, а для кейфа и пары;
Так лавочник неповоротливый ценит кошмары,
Так черная корочка булке мерещится ситной,
Так рыжую дуру смущает мулат колоритный.

И только поэты (бессмертные, я разумею!)
Глядят на Восток, не рискуя свернуть себе шею.

(Германцы? Не важно: германцы, испанцы ли, греки,
А важно: не сверхчеловеки, а всечеловеки!)

Далек Джиннистан и опасен!

Лишь Гауф и Гофман

Достигли его, ручеек перешедши по бревнам;

Им лотос был нужен. Лишь лотос! А это немного.

Но лотос раскрылся — и скальды увидели бога.

...Откуда мы взяли, что вещая жизни загадка

Сродни аппетиту? И выглядит лакомо, сладко?

И надо ль быть гением, чтобы приметить незлобно:

Пред нами Земля, и явленье сие — не съедобно.

СЛОИ

Поэзия многослойна.
Слоись и пластуйся, поэт!
Слои чередуются стройно,
А слоя правдивости... нет!
 Всего-то в поэзии много...
 Но стоит взглядеться в пласты:
 Как часто
 В бездонности слога
 Скрывается страх прямоты!
И рвенье украсить греховность.
И трезвый расчет: колдовать!
И — чтобы служила условность
Единственной цели: назвать
Все вещи не их именами...
 Ах, полно шутить нам над нами!
 Лишь истина стоит забот.
 «Слои» получают сами,
 А правда сама не придет.

ПОДПИСЬ ЗА МИР

Война нравится только тем, кто от нее не страдает.

Эразм Роттердамский

В черных ладьях полудикие песни проплыли —
Хриплые песни военных, на рыцарский лад.
Грустно их слышать, на свет извлекая из пыли
Хоть бы и лучшие доблести лучших солдат.

Мало прошло по земле справедливых баталий:
В черной отаре — лишь несколько белых овец!
Но и в приятнейших войнах, как мы подсчитали,
Все-таки самое славное время — конец.

Как бы то ни было, сердце пленяли невольню
Храбрость, отвага и мужество шедших на бой:
Телом рискующих (вечной душой, как ни больно!),
Жертвы берущих. Но жертвующих и собой.

Даже в погибели крылась живая основа —
Гении славы смягчали и худший исход.
Но порассудим (уж коль доживем до такого):
Разве с о л д а т на последнюю кнопку нажмет?

Разве г е р о й? Разве рыцарем надо родиться,
Чтобы на клавишу смерти — лилейным перстом?!
Разве г е р о й? Разве рыцарем надо родиться,
Чтобы на клавишу смерти — лилейным перстом?!
Разве г е р о й? Разве рыцарем надо родиться,
Чтобы на клавишу смерти — лилейным перстом?!

(Есть отчего молодцу гоготать, заноситься,
В чарку глядеться, усы завивая винтом!)
Где они все? Как подвижники, так святотатцы?
Храбрость и трусость? Султаны из конских волос —
И костыли лазаретов? Да все это вкратце!
Вкратце настолько, что к махонькой кнопке свелось!
Может быть, это и к лучшему? Легче и проще
Мигом загинуть, чем вечные слезы точить?
Жалкая кнопка! Но как пресмыканье от мощи,
Подлость от подвига — как при тебе отличить?
Стоит ли всадником, лучником, рыцарем зваться!
Вдрагивать, вскакивать, прыгивать, ползать, бежать,
Лезть, гарцевать, наклоняться, пришпоривать, мчаться,
Мускулы холить? Зачем? Чтоб на кнопку нажать?!
Бедная кнопка, последняя кнопка вселенной!
Ба! — Ахилл, и трубящий, как раненый лось,
Дерзкий Роланд, и наглец Ланцелот несравненный
В реюющих перьях — и все это в кнопке сошлось?
Надо ли быть Геркулесом, Атлантом, Зевесом?
(Надо ль греметь барабану, а лошади ржать?)
Надо ли слабым хотя обладать интересом
К фортификации, брат, чтоб на кнопку нажать?
Надо ли было рядиться в мундиры и латы?
Шлемы ковать или вече сзывать, например?
Кнопка не выдаст, что кони бывали крылаты!
В кнопку свои легионы увел Искандер...
Горе! Сжимайся не в боли — сжимайся в размахе!
Падайте, тысячелетние слезы, в цене!
Сдержанность Гектора, горестный вскрик Андромахи,
Плач Ярославны в Путивле на древней стене —
В кнопку, туда же! (Лишь только бы после ошибкой
Дружеский пепел не путали с вражьей золой!)
Пошлый и слабый нажмет с идиотской улыбкой...
Грубый, слепой, раболепный,,, (А впрочем, не злой...)

Доблесть однако ж (казалось, нажал бы — и ладно!),
Доблесть не гаснет, а только меняет места:
Квакнет, нажмет — и почувствует... «гордость Роланда»,
«Ярость Ахилла» и — может быть! — «святость Христа».

ЗНОЙ В ЛЕСУ

Ель столетняя упала —
Полподлеска растрепала,
Путь закрыла пешеходам,
В чащу влипла — столь смолиста!
Так Циклоп, упившись медом,
Бросил ковш — и сам свалился.

Неприметною стопою,
Тень да ветер взяв с собою,
Утро нехотя прошло.
Как заржавленной ставней,
Ночи свежестью недавней
Скрипнет галочье крыло...

Но трава и медуница
Уж рососою не дымится;
Как известка потолков —
Обморочных мотыльков
Сел везде конвертик белый;
Пень чернеет обгорелый,
Уголь — смушками на нем;
За каракулевым пнем
(Пнем из угольных мерлушек)

Горячо, как тени пушек,
Тени сосен залегли...
Запаляя фитили,
Раздражительный и гневный,
Наступает зной полдневный;
Замешательство и зуд
Муравейники несут...
В синеве, лишенной складок,
Как бы илистый осадок...
Бор тускнеет вороной;
Распаляясь, как вендетта,
Хмуро катят волны света,
И хмелеет перегрето
Запах плесени грибной...

УСТУПКА РАВНИНЕ

Цветных осенних листьев полны мои карманы.
Осенние осели на волосах туманы.
Не те же ли, что в небе дрожат на перьях уток?
Хотя необозримый открылся промежуток
Меж утками и мною. Когда, со дна оврага,
Слежу за их отлетом, не ускоряя шага:
И нити между нами натягивает влага...
И рвется их станица, как мокрая бумага...

Как поднятый ветрами последний листик сада,
По воздуху за ними уходит точка взгляда:
Плутает точка взгляда подобно утке лишней,
А сбить ее нетрудно хоть косточкой от вишни!..
Так — не идя за ними, а все же отставая,
Неволью застываю, как вежа верстовая:
Прощай, недорогая причастность очевидца! —
Глядеть на птицу в небе — и есть — остановиться.
По мне — глядеть на птицу — всегда — глядеть

с вокзала...

Но лестно мне, что сырость нас общая связала.

ВЕЧЕР

Спят облака, словно отмели красных креветок.

Взрывают птицы

Покой сиреневых веток;

Фыркающими пачками карт атласных

Трещат их крылья

В сумерках вечера ясных.

Весь день на солнце

Пели напев любимый,

Хочется им и теперь щебетать — и при звездах!

Комар запел одинокий, почти незримый —

Тонок и слаб, как завязанный бантиком воздух;

Скулит и ноет, парит невесомой обузой —

С выступа сумерек свесил тесемки-ножки...

И, укрощенный нездешней, но цепкой музой,

Мир засыпает под звуки его гармошки.

И — полила полумгла дорогой наклонной...

Но облака все пылают алой золою;

Дюной багряной,

Отмелью рдяной,

Заводью сонной —

Тонким бесценным песком текут над зарею...

То не титаны ли хлеб золотой
Пекут над дальней геенной?
Перетомясь в испытаний последнем тигле,
С этого мига — мнится — уже неизменны,
Кажется мне, что бессмертья они достигли!
Но... до неузнанных черт облака остыли,
 Не расступаясь, не двигаясь, растворились...
 И одуванчиков легионы
 Тихо закрылись —
В прекрасный мир
 Иллюминаторы
 Золотые...

ТЕМНЫЕ СТОРОНЫ БЛЕСКА

1) Находчивость в ответах

При споре и в беседе
Случается от прочных
И выстраданных мнений,
От опыта в раздумьях
Того, кто в споре с нами
Или в живой беседе
Находит мыслям русло.

2) Находчивость в ответах бывает и от злого,
Дрянного отношенья ко всем и вся на свете;
От бойкого нахальства,
В котором быть не может
Ни вежливости трудной,
Ни страха вас обидеть.

3) Ведь тот, кто уважает
Или (того тяжелее!) —
Кто любит вас, — тот редко
Блестящ и колок с вами;

Неосторожным жестом задеть он вас боится;
Тем более — в подборе и слов и выражений
Он, точно пленник, связан.

4) И даже если точный, блистательно-лукавый
Ответ он держит в тайне,— и то — чудесный козырь
Он впрок приберегает;
Когда один, при свечке,
 Раскрыв свои тетради,
Перо добряк очинит, и — с воздухом заспорит;
С ночную тьмой, царящей за окнами, сразится,—
То время, то пространство, то сам уклад вселенский
Ловя на предрассудках...

5) О, трижды прав далекий
 От устных излияний!
Звук речи — та стихия,
В которой, неприметно захлебываясь, гибнут
Все помыслы благие.
На девять миль длиннее, чем мы подозреваем,
Язык наш — корень адов!
Наш разговор не только приятностями скрашен:
Он для натур несмелых
 Превратностями страшен,
Как шаткий путь синдбадов!

6) Находчивость в ответах —
Резерв паркетных снобов,—
Нутром — малюток нежных,
 Но хваткой и напором —
 Ущельных великанов!
Находчивость в ответах
 Рождается за вистом,

За веером раскрытым, скрывающим усмешку,
Змеящуюся грубо,
Да смертную зевоту...

Находчивость в ответах
Живет в одном приходе
С тобою, скука мира...

7) О, ты бываешь всякой,
Словесная сноровка!
Свидетельствую часто
О чувствах беспощадных,
О склонностях презренных,
О низком воспитанье,
Злорадстве, вероломстве...
Вот почему не плакать, а радоваться надо,
Не каждой краской спектра
Подобного владея!
Блеск Евиного змея
К нам не тогда приходит,
Когда мы сердцем чисты и вымыслом бездонны,
Но иногда — что делать! —
Он к нам тогда приходит,
Когда мы — беспардонны!

8) Ах, тот, кто много мыслей
Во лбу своем содержит,—
Не вдруг решит, какая
Из многих тысяч — лучше
Для быстрого ответа.
А тот, кому Фортуна
Три мысли подарила,

Уж тот (наверно!) знает:
Где у него — какая...

9) И вот что, между прочим,
Тут надобно заметить:
К двум-трем своим насущным
(Единственно возможным)
Прибавив три чужие,
Ведь все же таки сразу —
Не много и не мало —
Шесть мыслей получаешь!
А сколько вариантов?
Те — вовсе бесконечны!

10) Базарная торговка
(Попробуйте-ка с нею
Заспорить!) вас бойчее
«Отбреет», чем Сенека!
(Опять — читайте выше! — базарная торговка
Не друг для человека!)

11) Руссо боялся острых,
Усаженных шипами,
Парижских язычков,
Быстрей кофейных мельниц
Вращающихся в «свете»,

И на вопрос вопросом,
Остротой на остроту —
Не мог ответить сразу...

ТРЕМОЛО

Мысли дремлют, взмг обостревожены.
Но и сам покой глядит подвижником.
Ночь, как дума, смотрит в окна темные...
Вижу: между звуками проложены
Улицы, мощенные булыжником,
Длинных юбок тенью подметенные.

А в каретах, в их коре ореховой,
Разъезжает отголосок эховый,
Пудреную голову склоняющий
На подушки лунные,
А затем — опять ее роняющий
В переборы струнные.

О, какой булыжник был сиреневый!
Черных лужиц флейты в счет не брали.
(Спец позднейший,— ты уж сам оценивай
Золото печали!)

Лишь потом откроют, что вселенная
Суть не то, что флейты обещали:
Не такая вовсе вдохновенная,
Не стройна и не кругла нимало!
Холодна, грязна, не так возвышенна,

Жабьей головой своей наслышана

О краях провала...

Отчего ж так веришь этой музыке?

Чтишь ее, в ее бессмертной узости,

Будто правду предсказала?

СКРИПКА СУМЕРЕК

Дышат снегом на флоксах росинки...
В поздних сумерках зренье теряю.
Но, взойдя на дорогу с тропинки,
Новым зреньем глаза расширю.

Лужи спят на дорогах ненастных.
А на их перламутровых бельмах —
Срезы крыш, по-вечернему ясных.
Острота чердаков корабельных...

Лунка льда в миражи дождевые
Как стеклянная дверца раскрыта:
Там веревки дрожат бельевые —
И на снасти похожи до вскрика!

...Скоро инеем станет прохлада...
Что там, в поле? Хомяк или кролик?
Или — призрак усталого взгляда —
Это сумерек дернулся промельк?

Журавлей горловая валторна
Отжурчала за снежною тучей...

Скрипка сумерек!
Спой мне повторно:
Дай мне Веру, Надежду и Случай!

ФАЛЬШИВАЯ НОТА

То светло в дубравах, то темно:
Рыбки света, вспыхнув плавниками,
То проступят в листьях, то — на дно
Куп шумящих — канут косяками.

Вновь — затмение, и снова — медь
Яркой ряби кущи заливает...
Это снова рыбки? Или сеть,
Рыбок упустившая, всплывает?

Белые, душистые, во мглу
Поднимаются из трав, из тмина,
По венецианскому стеклу
Лунной ночи — пузырьки жасмина.

Зной. Не выступая из границ,
Тень стоит посольством папуасов.
И жасмин — на дне их черных лиц —
Как белки катающихся глаз их.

Я и в свете, я и в той тени...
Кто там?! — в отупении счастливом
Там стоят базальтовые пни
С каменным улиточным завивом.

Правда, что их вид немного дик,
А восторг — слегка эгоистичен:

Кажут тень друг дружке, как язык,

Тянутся для тайных зуботычин...

Не следит ли здесь за мною гном?!
Верно (хоть не думаю нагнуться),

Что цветы, не найденные днем,

В темноте — по запаху — найдутся.

Что за счастье, Ночь, в твоём саду

Всем чуть слышным и совсем неслышным!
Но... как жало, скрытое в меду,

Соловей уже казался — лишним.

ВОСХОД ЛУНЫ

Нас четверо. Мы идем по дороге вниз,
Позади оставив закат.
Обширными складками — склоны, как лунные цирки, кружат.
А там — известковой осыпи газовый шарф повис...
 Петляет под ним, обрываясь, оранжевая тропа.
 И как днем видны
У преддверья большой, но еще не взошедшей луны
 Коровьи в песке черепа.
 Как школьник наказанный,
 Весь
 Фосфорическим мелом измазанный,
 За грифельной дверью шуршит, войти не решаясь,—
 Первую щелочку в небесах
 Приотворяет луна,
 Легким дыханьем вдали косогоров касаясь...
Быстро бледнеет восток. Но солнце еще не зашло.
И непонятно: что подожгло
Пустынным светом
Красный песок:
 Солнца ль последний, седеющий волосок
 Или, до срока таящаяся, луна

В обрывах ярких
Косвенно отражена?
Их тепловыми трельяжами

Повторена?

И вот промежуточный миг! — смотри:
Ни луны и ни солнца нет!
О свет со странностями! Срединный,
Блудный, чудаческий свет...
Словно вздувается небосвод
Перед восходом луны,
И мы — как в гигантский мыльный пузырь,
Бегом раздвигающийся вширь
И медленно ввысь плывущий,— заключены.
И вдруг, впереди, на тропке,

Срезающей поперек

Наш путь к большой котловине,
На тропке резкой и пограничной
Меж спуска медленностью привычной
И смелым креном к долине;
На тропке, что, черепицы алей,
Змеи изнуренной тише,
На грани двух кукурузных полей
Спит, как на гребне крыши,—

Единственная дождевая
(С последних дождей живая!)

Лужица засветилась
Бляхою ярко-бесцветной;

Застыл над круглой пустыней
Ее бесчувственности алюминий
Дальнепланетный.

Она как воздух, который блеснуть не может,
Который пуст, но всегда сквозь землю

Тоннель проложит,

Трубу прорежет. Она прозрачна, светла, как прорезь
В массиве мира — через которую почты нет,
Но сквозь которую стран антиподных свет
И здешний свет — переглядываются, не ссорясь,

ДИСКИ

Скача (как на перекладных
Лягушках, вместо лошадей),
По дискам сухости бежим,
Раскиданным среди дождей.

В летучих комнатах тепло.
Но в них остаться не хотим,
Ныржаем в ливень — потому,
Что все равно неотвратим.

На нас дивится Дискобол!
И все еще, по временам,
Вдогонку,
 Под ноги
 (В сердцах!)

Площадки суши мечет нам.

ЛИСТОПАД

Заюлил, заплакал ветерок,—
Отпросился к тучам, вихрем стал могучим,—
И уже... свалившийся у ног
Лист падучий в раковину скручен.
Сыпля цокот — льдистую крупу,
Взмыли верховые — ветры вихревые;
Оглушили пеструю тропу
Черным лаем пни сторожевые.

Точно пеплом небо ослепил
Сорный и сухой порыв осенней бури;
На голову фартук налепил
Плящущей издали фигуре.
Сто ветров на ней стянули сеть:
Навертели ей на грубые ботинки
Пыльную дорогу. А на все
Пальцы рук — побочные тропинки..
Рощи завиваются винтом,
Крутятся юлой среди равнины мрачной...
Поздний луч — захлопнутым зонтом —
Чуть алеет в полумгле табачной.

Луч отрадный! Только в этот час
Горечь так сильна и так слаба отрада,
Будто тень Верлена пронеслась
В призрачной воронке листопада...

* * *

Поворотилась на тихой оси планета —
Заговорили деревья толпой сердитой...
Печь забелела в углу, в серебре рассвета,
Каменной редькой, очищенной и отмытой.
 Стекла оконные дымом заря питала,
 Венские стулья за спинки лучом хватая...
 К слову, как нимбы, тающему: «Светало» —
 Первая в жизни рифма пришла: «Святая».
...Библии старой — всю ночь не спала! — страшилась.
Темных ее картин избегала взора...
Вся — подозренье, не спать до конца решила,
Маясь тоскою, что утро еще не скоро,
 В темной ночи плутали, грустя и плача,
 По лесу Красная Шапочка и Козетта...
 Тихо несла Колыбельная песнь Рыбачья
 Люльку младенца по серым морям рассвета...
Тени тускнели... И вот, просочив телами
Смутную стену, вскипали чудовищ горы;
Скосив глаза, наблюдала за их делами,
За жизнью мрачной, влюбленной в свои повторы...
 (Могла ли знать, поражаясь упорству тени,
 Как будто винтик на месте какой «заело»,

Сколько еще возвращений и повторений
Тьмы, что и в первый раз — давно надоела!

...Звезды слезятся,
На землю глядеть не смеют —
Так далеко переставил их мрак непрочный...
Снизу, как ветер,
Подул полусвет молочный;
Камни являются,
Пятна земли белеют —
И темный
Сон
Приходит,
Когда, при виде
Алого утра,— звезды дрожат в обиде...

ПУШКИН

К чему изобретать национальный гений?
Ведь Пушкин есть у нас: в нем сбылся русский дух.
Но образ родины он вывел не из двух
Нужд или принципов и не из трех суждений;

Не из пяти берез, одетых в майский пух,
И не из тысяч громких заверений;
Весь мир — весь белый свет! — в кольцо его творений.
Вместился целиком. И высказался вслух.

...Избушка и... Вольтер! Казак и... nereida
Лишь легкой створкой здесь разделены для вида;
Кого-чего тут нет!.. Свирель из тростника —

И вьюг полнощных рев; средневековый патер,
Золотокудрый Феб, коллежский регистратор,
Экспромт из Бомарше и — песня ямщика.

ЭДГАР ПО

Не думаю, что мрак его души чрезмерен.
Рисуя грозный цех, где сера и смола,
Он краски не сгущал, а был натуре верен:
Ведь преисподняя и впрямь не весела!

Но, сам спускаясь в ад, он брал с собой, как веер,
Как нежный лед ко лбу — прохладу ремесла...
А нам? И жар, и смрад, и,— чтоб над нами реял
Весь ужас ночи! Но... поклясться бы могла,

Что это наш заказ, хоть мы не признаемся!
А разве свой кошмар мы рассказать не рвемся?
Как?! Разве ускользнуть позволим мы ему?!

Э, нет! Как протокол мы разбираем сказку.
И страшным снам даем такую же огласку,
Как преступлениям, свершенным наяву.

Снисходительный гром потеплений —
Облаков вечеряющий гений,
Тихо сходящий
В подземелье ночи весенней
И рукой по лбу проводящий.

Снял шолом и держал будто чашу,
Будто нес в нем горячую кашу —
Странный воин, отвыкший сражаться!
Все черты его тайной дышали...
И какие-то мысли
Мешали
Над землей за перила держаться...

Но лишь раз о ступеньку споткнулся —
И застыл над невнятицей гула,
Пробужденного гаснущей славой...

Только раз, уходя, оглянулся.

И лицо его странно блеснуло
В тихой сырости ночи кудрявой...

«ПРОЗОРЛИВЫЕ»

О, «прозорливости» орлино-острый взор!
Он видит вас насквозь!
Он режет вас в упор!
В нем — быстрый суд, апломб, насмешка и отвага...
Вздор!
Лучше семерых зазря перехвалить,
Чем грязью одного безвинного облить
(Чтоб не зазнался этот бедолага!).

Как «прозорливому» глядеть не надоест?
Решив заведомо, что все на свете — жест,
Что и подстреленная лжет, рисуясь, чайка,
Цены не придавать, по сути, ничему,
Лишь подозрительности нищую суму
Беречь, как золото Клондайка.

Ах, если всюду ложь, не тот ли индивид
Открытьем Истины народы удивит,
Кто примечателем холодным остается?
Но вот что главное: открыв так много зла,
И каракатица заплакать бы могла!

А он-то (человек), да он, никак... смеется?
Зло, стало быть, открыл? И дал острастку злу?
Эх! Мышь разоблачил, дрожащую в углу.
Что делать... Не везет с открытиями явно
Ни детям уксуса, ни адовой смолы;
Открыть (добро ли, зло ль) не могут те, кто злы:
Зло слишком близко им, а благо им — забавно.

Лишь по наивности (казалось бы, старо!)
Возможно раздобыть жар-птицыно перо;
Лишь простодушному земля откроет клады.
А лужи для того бывают вдоль дорог,
Чтоб «наблюдатель» в них порой садиться мог,
Бросая «ясновидящие» взгляды...

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Тому, кто есть Рабле,— прощаешь грубость шуток.
А кто не есть Рабле — тому наоборот:
Так и напрашиваются «пятнадцать суток»
За в точности раблевский оборот!

Вопрос таинственный и сложный для науки...
Все чтят Боккаччио. Однако ж вот Барков
Откалывал небось и не такие шутики,—
А каково ему на блюдечке веков?

Что гений ни сморозь — оно всегда прилично.
Какой ни выкинь трюк — получится мораль,
И блеск, и нравственность... Хотя бы сам, публично,
На четвереньках он прошел через Версаль!

А тут — бранись, как Свифт, будь, как Вийон, вульгарен,—
Увы! — никто тебе не будет благодарен.

САМОРУГАНИЕ

Саморугание — коварнейшая штука:
Вот где юродивости непочатый край!
Пускай раскаянья скрываема мука
Игрушкой площади не станет невзначай.

Но если тайны нет, и все должны быть голы,
И нет заветного на свете ничего,—
То факта нам не скрыть — и столь солидной школы,
Как — унтер-офицерское вдовство.

Кричат: «Себя ругай, а нас не трогай!» Странно...
Совет ослепнуть там, где нужен глаз да глаз?
Ведь ближнего — всегда ругаешь — безымянно,
А выбравив себя — подпишешься тотчас!

Нет! Пусть мой грех простят (иль не простят) — заочно.
Пусть сами думают: он мал или велик?
Но пусть его размер никто не знает точно.

Что, критик, тяжело? А ты поплачь, старик...

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА

«...Смеясь, что я поэт, и ставя в центре мира
Натуру против грез и факты против чар,
Винченцо, наш купец, философ и проныра,
Ушел с победою, сбыв мне плохой товар.

С двумя победами, точней. Но я, обновой
Довольный,— риторством его пренебрегу:
Почтительно признав Винченцо дар торговый,
Мыслителя я в нем одобрить не могу.

Или... наоборот, скажу (любую фразу,
Всю логику его разящую признав):
«Зато он ни сукном, ни бархатом не прав!»
Но не могу же я войти в два дома сразу:
Разуть глаза на мир,
увидеть «жизнь как есть»

И доброму сукну... плохое
предпочесть!»

* * *

Старый берег, туманом заваленный,
Кораблей и вельботов борта.
Мертвой рыбыны взор опечаленный.
Лоцман, держащий трубку у рта.
К заливаемой тумбе причаленный,
Весь осклизлый — обломок плота.

Человека в туманах ведущую,
Слышу песню непрожитых дней:
Словно водоросль, горько-цветущую,
Гонят волны в простор пристаней
(Хоть и бросят потом — неимущую —
Лишней тенью — в ночлежках теней).

Пелена океана вздувается —
Подступает с волнами тоска;
Глас познания
У волн обрывается —
Одновременно с кромкой песка...
Тайна времени переливается —
Тень зеленую ловит рука...

Доброй ночи вам, срезы овражные
Маслянистых и пламенных глин!
Есть и в жизни те трепеты влажные,
Что (из дерзости) выдумал Грин!
Сны сокрытые, клики протяжные —
Прорицатели темных глубин.

ОБЛАКА

Горят облака на закате,
Сверкают, как бранные рати,
Как золото в царской палате,
Как свежий надрез на гранате...

Красно́, тяжело нагреваясь,
До самых бровей багровеют,
Но к ночи
Становятся кротче:
Теплом фиолетовым веют...

Над лесом они зеленеют,
Блестят — над затонами стоя;
Вторым водяным отраженьем
На них отражается хвоя...

Что дальше, то глуше, слабее...
Не так ли над золотом блюдца,
От пальцев
Зеленые пятна

На ножках грибов остаются?

Но мрак совершился вечерний:
Заросли поглубинели.

Как сажа (цветные недавно) —

Как тушь облака почернели...

Я шаг их слежу молчаливый,

Я образы их вопрошаю,

Я с ними (не здесь, а на небе!)

И сны, и надежды решаю.

Меня и теперь не пугает,

Что их вопрошаю — с рассвета;

Что долго прожду

Или вовсе

Остаться могу без ответа;

Что были вопросы — дневными,

И к свету стремились дневному;

Что, тенью ночной искаженный,

Ответ

Долетит

По-иному...

ЛУНА

Та область, куда космонавты, вдвоем
(Не то из Подвала, не то с Потолка!),
Шагнули,— взволнован Луны водоем
Ракетой-бадьей на веревке рывка,

Вторженьем землян, лунохода клешней...
Не странно ли? — детям, рожденным сейчас,
Под новой, дающейся в руки, Луной,
Уж той не видать, что сияла для нас!

...Сбылось!

Поколений великий накат
На две половины Луна рассекла;
Одна — воздымала к ней пламенный взгляд,
Другая — сама к ней дорогу нашла.

Но лунное счастье — на чьей стороне?
Не знаю... Ведь нынешним детям Земли
Приходится жить при доступной Луне.
А мы — недоступную видеть могли.

* * *

Размеренно, неизменно — не ранее и не позже
(И — словно Цезарь незримый откинулся — держит вожжи),—
Опять опадает пена — зигзагами, как поземка.
Опять в ключинах весла
Поскрипывают негромко...

Река протянула руки за видимые пределы.
И лодки ее — как луки. И весла ее — как стрелы.
А цель ее — море, море... А цель у моря какая?
Свою свободу лелеять, в ладнях ее качая.

На отмелях золотистых играют синие бризы,—
Захлебывающихся ракушек
Позванивают сервизы...
Уходит берег зеленый, уходит золотостволый,
И кто-то шляпою машет
В задумчивости веселой.

СОДЕРЖАНИЕ

Бегство деревьев	3
«Рассветные звезды гаснут...»	5
Прогулка	7
«После падения зноя...»	9
Душистый Горошек	11
Ходьба	14
К Музе Комедии	16
«Днем прохладным душного лета...»	19
Долина ручья	21
Ивы	23
Две березы	26
Река	29
Следопыт	31
«То цельная, то — на четыре потока...»	36
«Над красным ущельем нависли деревья седые...»	38
Перевернутый сад	39
Змеелов	41
«То не дорога, не шлях...»	44
Кино	46
«Как радужный дурман горячего болота...»	50
«Ночь. Отовсюду раскрылись...»	51

Страсть к полезному	52
Предвечернее	54
Стихотерапия	56
Пятнистый свет	61
Подвиг птиц	62
Сорванный хорал	64
Напев	66
Отражения	68
Снегопад	70
Ода кляксе	72
«Ветровой, подарочно-упаковочный...» . . .	77
Космонавт	79
Старинные корабли	80
Нерасторжимый круг	82
Лунный свет	83
Береза	85
Трюизмы	88
Немецкие сказки	90
Слои	92
Подпись за мир	93
Зной в лесу	96
Уступка равнине	98
Вечер	99
Темные стороны блеска	101
Тремоло	105
Скрипка сумерек	107
Фальшивая нота	108
Восход луны	110
Диски	113
Листопад	114
«Поворотилась на тихой оси планета...» . .	116
Пушкин	118
Эдгар По	119
«Снисходительный гром потеплений...» . .	120

«Прозорливые»	121
Недоразумение	123
Саморугание ,	124
Отрывок из письма шестнадцатого века .	125
«Старый берег, туманом заваленный...» .	126
Облака	128
Луна	130
«Размеренно, неизменно...»	131

*Новелла Николаевна
Матвеева*

РЕКА

М., «Советский писатель», 1978, 136 стр.
План выпуска 1978 г. № 165

Художник *К. М. Высоцкая*

Редактор *В. С. Фогельсон*
Худож. редактор *В. В. Медведев*
Техн. редактор *Р. Я. Соколова*
Корректор *И. Ю. Ковалева*

ИБ № 1343

Сдано в набор 12.01.78. Подписано к печати 24.05.78. А 10987. Формат 70×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Журнально-рубленая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 5,95. Уч.-изд. л. 3,76. Тираж 20 000 экз. Заказ № 58. Цена 55 коп. Издательство «Советский писатель», Москва Г-69, ул. Воровского, 11. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109

55к.

